

Иосиф Гольман
Не бойся, я рядом (отрывок)

Татьяна долила себе остатки кофе из медной турочки.
Смакуя, допила.
Потом посидела молча и вроде бы без мыслей.
А потом — неожиданно для себя — взяла телефон и набрала Марконин номер.
Он долго не подходил. Может, с больным беседовал? Хотя уже поздновато для обхода. Скорее, нормально для раннего обеда, что Марконя частенько и практиковал.
Так что же не снимает трубку?
Она набирала номер снова и снова, понемногу начиная волноваться.
Наконец, ответил.
Голос какой-то хрипловатый. И без обычного воодушевления.
— Что с тобой, Марконя? — ужаснулась Татьяна. — Тебя избили?
— С чего ты взяла? — удивился тот. — Кто меня должен был избить?
— Оврагин! — выпалила Логинова, выдав свои депрессивные страхи.
Марк даже рассмеялся.
Но — как-то не слишком весело.
— Так что с тобой? — Теперь Татьяна была встревожена не на шутку.
— Радикулит, вот что, — наконец, обиженно сказал Марконя. — Утром нагнулся шампунь достать из-под ванны. Так, нагнутый, и хожу.
— Бедненький ты мой! — распереживалась Логинова. — Я сейчас приеду, намажу тебя.
— Думаешь, поможет? — поникшим голосом спросил бывший муж. — Мне сегодня, кровь из носу, на одну встречу надо.
— Во сколько? — спросила Татьяна.
— В пять. Но кровь из носу. А я не то что за руль — в машину сесть не могу.
— Сейчас двенадцать. Думаю, я тебя подниму, — решительно сказала Логинова.
Задачи на ближайшие часы у нее определились.

Через час с небольшим — расстояние было совсем маленькое, зато состоящее из одной сплошной пробки, да еще в аптеку зашла — она подходила к его подъезду.
Поднялась на третий этаж.
На двери висела старинная — на медной еще дощечке — табличка: «Вениамин Гедалевич Лазман, доктор. Три звонка». Когда-то — Логинова еще застала этот период — квартира была коммунальной, хотя Лазманы занимали в ней большую часть площади: папа Марика был признанным специалистом при всех властях.
Позже Марк выкупил две другие комнаты и стал единоличным хозяином огромного — больше ста тридцати метров — апартаментов.
Логинова трижды коротко позвонила. Она всегда так звонила, еще с тех пор, когда на звонок мог откликнуться и иной житель.
Не сразу, но раздались шаркающие шаги. Похоже, Марконе совсем плохо.
Щелкнул замок, Татьяна раскрыла дверь.
Марконя стоял в полутемном коридоре, действительно согнутый, в халате и небритый. Ему явно было больно.
— Марконечка, — ласково сказала Логинова. — Сейчас будем тебя лечить.
Он обрадовался, как ребенок.
Не столько будущему с сомнительным исходом лечению (радикулит — не быстрая штука), сколько самому Таниному приходу и ее ласковому тону.

Он зашаркал в большую комнату, где был разобран диван.

На стене почти без звука работала огромная плазменная телепанель. А на столе был накрыт завтрак, впрочем, так и не тронутый.

— Самое обидное, — жаловался Марконя Татьяне, — что, не полезь я за этим чертовым флаконом, был бы сейчас в норме.

— Завтра бы случилось, — утешила его Логинова. — Сам знаешь, чему быть, тому не миновать. Особенно если речь о радикулите.

— Да завтра черт бы с ним! — взорвался Лазман. — У меня сегодня, может, дело жизни решается!

— Ложись, деловой! — подтолкнула Татьяна бывшего супруга. — Спиной кверху!

Она стащила с Марка дорогой шелковый халат и набрала на ладонь противорадикулитную мазь.

Массаж Татьяна изучала не только в вузе, еще и на курсы ходила и потом довольно долго подрабатывала.

Марконечка под ее сильными руками кряхтел и стонал.

«Бедненький», — подумала Логинова, стараясь причинять как можно меньше боли.

Но спина Марка требовала-таки усилий.

И когда он все это вырастил! Тело его было мускулистым и без особого лишнего жирка. Освободилось, значит, время от семейной жизни, и подался мужик в фитнес.

А что, молодец.

Не такой уж он и одинокий ребеночек, оставленный в лесу.

Татьяна старалась изо всех сил.

Стало жарко.

— Марконь, если я разденусь слегка, ты не будешь приставать? — спросила она.

— Издеваешься? — простонал бывший супруг.

Татьяна на секунду прервалась, быстро сняла джинсы и блузку и накинула на себя Марконин невесомый шелковый халат. Великоват, правда, размера на три. Но с закатанными рукавами и затянутым поясом вполне сгодился.

Она удобнее устроилась на его ягодицах и снова занялась поясничным отделом. Потом пошла вверх вдоль позвоночника, чутко выявляя и очерчивая — по Маркониным стонам и ощущениям в своих ничего не забывших пальцах — локализацию болезненных очагов.

Еще через несколько минут боль в Маркониной спине стала стихать.

— Я думаю, это мышцы, — сказала уже реально уставшая (давно не практиковала) Логинова. — Ни грыж, ни узлов никаких не нащупала. Так что скоро пройдет, только больше резко не нагибайся.

— Спасибо тебе, Танюх! — сказал намучившийся с утра Марк. — Ты меня спасла прямо.

Он осторожно повернулся на правый бок и обнял еще не успевшую слезть с дивана Татьяну.

— Ты обещал не приставать, — напомнила Логинова. Но как-то неубедительно.

— И ты поверила мужчине? — укоризненно сказал Марк Вениаминович.

Далее все произошло стремительно.

Татьяна вдруг — и уж очень мгновенно — оказалась под ним, пояс Марк даже и развязывать не стал, потому что широкий халат никак не мешал его — весьма конкретным — устремлениям.

А еще через секунду перестала мешать и последняя стянутая вниз часть Татьяниной одежды.

Далее слышалось только пыхтение Марка и ее вздохи. Причем несложно было понять, что вздыхала она не от боли или обиды.

— Гад, ты, Марконя, — когда отдышались, беззлобно сказала Логинова. — Заманил бедную женщину и почти что изнасиловал.

— Тебя изнасилуешь... — рассмеялся бывший супруг. — Все, дорогая! Я тебя больше никуда не отпущу. — Он, по понятным причинам, не мог бы немедленно повторить содеянное, но и выпустить тело Татьяны из своих лап был не в состоянии. — Ты теперь вся моя.

— Ой, Марик, давай сейчас не будем об этом, — сказала Татьяна. — Мне надо спокойно обдумать.

— Хватит, — неожиданно резко сказал недавний больной. — Тут нечего думать. Ты — моя женщина. Если б это было не так, ничего бы не произошло.

— Пожалуй, — вынуждена была согласиться Логинова. Если б сейчас на месте Марка был кто-то другой, она бы умерла, но не дала бы с собой сделать это.

Они лежали, тихо и спокойно.

— И все же ты жулик, — сказала она через минуту. — Надо же, даже радикулит задействовал в свою пользу.

— Я больше не жалуясь на радикулит, — двусмысленно заявил Марконя. И так прижал ее к себе своими накачанными лапищами, что Логинова поверила — не отпустит.

Ну, значит, судьба.

Когда Марк встал с дивана, выяснилось, что радикулит никуда не исчез. Отошел на, так сказать, заранее подготовленные позиции.

Конечно, боль ослабла, но передвигался Марконя с трудом и сидеть мог, только аккуратно выбрав наименее дискомфортное положение.

— Ты у меня останешься, — сказал он Логиновой. — Мне необходим уход. —И хитрым глазом посмотрел на нее.

Она рассмеялась.